

Глобализм — многополярный мир: будущее или прошлое?

*Окончание.
Начало см. в № 2/2012*

Регионализация и разумная автаркия

Факторы, толкающие мир к глобализации, еще сильнее действуют в направлении регионализации, сближения, объединения соседних государств, народов, экономик. Имеются в виду соседи не только в территориальном, но и в цивилизационном смысле, близкие по своему историческому опыту.

Неустойчивость и нестабильность, порождаемые как стихий-

ными, так и рукотворными факторами и условиями действующей модели глобализации (ситуация однополярного мира), инициируют потребность в укреплении суверенитета и защите внутреннего развития. Ценовыми, финансовыми и политическими цунами страны подталкиваются к определенной автаркии. Реализация этого требования возможна только в условиях экономики, обладающей большей частью современных отраслей производства и видов природных ресурсов. Для автаркии необходимо комплексное развитие экономики. Это возможно, как правило,

только в масштабах крупных регионов.

В прошлые столетия странами-лидерами могли становиться в разные периоды такие национальные государства, как Италия, Англия, Франция. Теперь для лидерства необходимы огромные территории и большая численность населения, как, например, в США или Китае. Автаркия этих стран была обеспечена либо океанами, либо цивилизационными барьерами. В результате потребности в региональной автаркии возникают союзы и коалиции, такие как ЕС, АСЕАН, БРИКС, ШОС, ЕвразЭС, НАФТА, МЕРКОСУР. В условиях, когда большинство развитых стран стремилось минимизировать внешнеэкономические связи с Советской Россией, ей приходилось специально за-

Волконский Виктор Александрович — главный научный сотрудник Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, профессор.

Идея и содержание настоящей статьи возникли в процессе бесед с Т.И. Корягиной.

кладывать в планы своего экономического развития установку на создание комплексной системы.

Идеология глобализации и объединительные усилия западного сообщества направлены на то, чтобы оградить доминирующую группу мировых субъектов (включая все западные страны) от угрозы экономического спада, от потери господствующего положения, а возможно, и политического разрушения. Но лишённые объединяющей идеологии страны периферии в полной мере испытывают на себе деструктивное воздействие отсутствия надежной перспективы. Финансовая и экономическая открытость периферийных экономик, бедных по сравнению с западными странами, делает их беззащитными перед непредсказуемыми колебаниями спроса и мировых цен на товары и финансовые активы, которые определяются изменениями геополитических условий и спекулятивных стратегий финансово-политических групп (ФПГ).

Эта непредсказуемость лишает их возможности выстраивать собственную суверенную стратегию развития (в частности, стратегию модернизации экономики, требующую долгосрочного плана поэтапного изменения структуры хозяйства и общества), обрекает на роль сателлитов западного сообщества, вынужденных постоянно реагировать на события, происходящие в развитых странах. Как выразился один мексиканский политик, имея в виду США, «очень неудобно спать в одной постели со слоном».

Эту тенденцию можно условно обозначить термином «региональная глобализация», или «регионализация». Ей приходится преодолевать узко понимаемый национализм. Например, он требует ухода России со всех пространных, населённых нерусским населением, прекращения притока мигрантов («Россия только для русских»), замыкания в преде-

лах республики «Русь». Инспирирование поиска «национальной идеи» в 1990-е годы было ошибкой нашей правящей элиты. Приоритеты развития русского языка и русской культуры должны быть задачей наднациональной, задачей создания культурно-идеологического полюса «Россия».

Хорошо известным примером фактора, консервирующего бедность и отсталость периферийных стран, является диспаритет мировых и внутренних цен, а также связанный с ним ценовой и финансовый диспаритет между производством, способным экспортировать свою продукцию,

Инспирирование поиска «национальной идеи» в 1990-е годы было ошибкой нашей правящей элиты.

и предприятиями, работающими только на внутренний рынок [1].

В периферийных странах экспортно-сырьевой сектор получает высокие рентные доходы от продажи ресурсов в развитые страны. Но низкий уровень внутренних цен и доходов делает невыгодным вложения в развитие отечественного сельского хозяйства и обрабатывающие отрасли. Эти отрасли попадают в упоминавшийся выше порочный круг «бедность — неэффективность». Инвестиции, квалифицированная рабочая сила, менеджеры и другие качественные ресурсы из этих отраслей устремляются в богатый экспортно-сырьевой сектор. Это явление изучено, оно известно как «голландская болезнь», или «проклятие природных богатств». Разорвать порочный круг способно только сильное государство, готовое обеспечить поддержку внутренних ценовых и финансовых межотраслевых пропорций и перемещение природной ренты в развитие и модернизацию собственной обрабатывающей промышленности, в первую очередь в высокотехнологичные производства.

Ещё Фридрих Лист [2] в середине XIX в. обосновал необходимость и эффективность протекционизма (эффективность не только для национальной, но и для развития всей мировой экономики) на период, пока соответствующие отрасли промышленности не достигнут уровня конкурентоспособности на мировом рынке. Он назвал это периодом «промышленного воспитания». Христоматийным примером защиты отечественного производителя служит защита своего сельского хозяйства (своих фермеров) всеми развитыми государствами на протяжении практически всей второй половины XX столетия.

Незащищённость внутреннего рынка особенно опасна сейчас, в период выхода из кризиса. При недостаточном спросе высока вероятность обострения конкуренции и разрушения структур отечественного производства за счёт дешёвого импорта.

Проблема «автаркия — открытость» очень не проста. Её можно назвать обоюдоострой. Трудность её решения связана с необходимостью развития инновационной экономики, которой противопоставлены всякие барьеры, препятствующие свободному перетеканию интеллектуального капитала в любых формах. Кто-то из журналистов точно назвал это его свойство сверхтекучестью. В частности, производство сложных новых изделий обычно требует получения большей части комплектующих из разных стран. Часто в стране, где базируется инновационное предприятие, производится только конечное изделие. В этих условиях сложность и высокие затраты на прохождение таможенных барьеров могут стать причиной «утечки» данного производства за рубеж.

Сегодня, когда идет интенсивный вывоз капитала и передовых технологий из развитых стран в догоняющие, когда необходима интеграция и кооперация в сфере инноваций, в актуальную проблему превращается поиск рационального сочетания открытости и защиты от конкурирующего импорта и утечки технологий. Однако ясно, что меры по обеспечению рационального протекционизма и автаркии должны быть признаны не менее эффективными инструментами гармонизации международных отношений, чем либеральное требование максимальной открытости. Их следует считать важной и вполне оправданной частью национально-го суверенитета.

Благодаря нашим нефтяным и газовым богатствам российский рубль мог бы стать не менее надежной резервной валютой, чем доллар.

Естественно, в современных технологических и экономических условиях ни одна страна (даже сверхдержава) не может обеспечить свою конкурентоспособность в одиночку. Поэтому будущее за региональными союзами или содружествами, обеспечивающими максимально прочные политические, идеологические, экономические взаимосвязи в своих пределах, и достаточно эффективный контроль за внешними, трансграничными потоками (экономическими, информационными миграционными). Таким образом, при формировании многополярного мира можно ожидать переоценки роли экономической автономности союза или содружества, разумной автаркии, которая необходима, чтобы разрабатывать и реализовывать долгосрочные планы, учитывающие целевые установки и ресурсные возможности стран — участниц союза.

Не только от динамичности и устойчивости национальной экономики и ее значимости в мировой

системе, но в большой мере и от политико-идеологической силы государства, от степени его суверенитета зависит, в какой степени оно способно использовать для своих внешнеэкономических отношений наиболее эффективный инструмент — импортные и экспортные тарифы. Или оно вынуждено, подчиняясь давлению своих партнеров по экспортно-импортным связям, держать эти тарифы на минимальном уровне. Конечно, помимо таможенных тарифов и квот имеется такой важный регулятор, как валютный курс. С его помощью можно существенно воздействовать на активность внутренних производителей и внешних партнеров. Но это единственный экономический

параметр (одна степень свободы) в целой системе взаимодействующих внешнеэкономических регуляторов. С его помощью не решишь таких структурных задач, как стимулирование спроса на отечественную наукоемкую продукцию, исправление структуры агрокомплекса и т.д.

Экономическую заинтересованность незападных стран в отказе от общих правил, диктуемых США на мировых рынках, можно проиллюстрировать на примере России. Как известно, США жестко блюдают неписаное правило, что нефть должна продаваться всюду только за доллары (вплоть до применения военных мер к нарушителям). Это дает возможность Америке эмитировать все больше долларов для обращения за пределами страны, не опасаясь обвального падения курса и роста внутренних цен.

Руководители России, конечно, не хотят оказаться в списке «персон, опасных для мира». Поэтому им

приходится мириться с тем, что в страну течет масса нефтедолларов, а не нефтерублей. Эту массу делят на ту часть, которая будет отправлена на хранение в Америку и использована на импорт, и ту, которая должна быть использована в России. Эту вторую часть выручки экспортеров Центробанку приходится «выкупать» за рубли. Рост цен на нефть толкает к принудительному увеличению импорта и эмиссии рублей, что служит одной из причин инфляции.

Благодаря нашим нефтяным и газовым богатствам российский рубль мог бы стать не менее надежной резервной валютой, чем доллар. И это резко повысило бы привлекательность России для любых инвесторов.

Категории капитализма и социализма с точки зрения сегодняшних проблем

Для формирования периферийных полюсов задача политического, экономического и духовного объединения крупных регионов не менее важна и не менее трудна, чем выделение поднимающегося полюса из общемировой экономической системы, обеспечение его суверенитета. Чтобы решать эту задачу, им неизбежно придется использовать духовный и теоретический ресурс, накопленный социалистическим движением.

Термин «капитализм» давно не употребляется политологами, лояльными к господствующей экономической системе, поскольку он несет ее негативную оценку. Однако капиталистическая система довольно четко описана классиками экономической мысли. Она может быть определена достаточно однозначно именно как экономическая система, не зависящая от типа государства и его идеологии. Альтернатива капитализму — социализм — в его существенных чертах зависит от политико-идеологической системы. Его реализация в разных странах и в разные исторические перио-

ды отличается большим разнообразием, и выделение его сущностных черт, позволяющих дать общепринятое определение, объединяющее основные его формы, остается проблемой.

Главное и непреходящее значение социализма заключается не в установке на экономическое равенство, не в лучшей организации экономической деятельности (план, а не стихия рынка), а в создании идеологии (если хотите, религии), которая позволяет блага общества, его победы и достижения воспринимать, ощущать благами и достижениями каждого его члена. Социализм — это приоритет общего над частным, интересов общества над интересами его части, группы, слоя, индивида. Именно в этом смысл критики Марксом частной собственности и любого классового общества (см., в частности, [3]).

Конечно, создать такую систему отношений в обществе и отождествлять смысл жизни и цели человека со смыслом жизни и целями общества как целого сложно, если общество отсталое и архаичное. Нужен определенный уровень развития производства, технологий, наличных ресурсов, которые позволили бы удовлетворять хотя бы элементарные

потребности всех членов общества. Необходимым условием является определенное развитие культуры и нравственности. Система личных целей и ценностей должна включать помимо ценностей исключительно материальных также ценности духовные и культурные, делающие индивида способным понять, что бедный в принципе может быть счастлив не менее, а даже более, чем богатый. Без этого невозможно духовно-нравственное единство общества. Ведь в любом нормальном обществе существует и должен существовать определенный уровень материального неравенства.

Почему обсуждение таких условий, необходимых для социализма, может быть актуальным для проблемы формирования периферийных полюсов? Вопрос о том, каковы эти условия, оказался причиной раздора между меньшевиками и европейскими правыми социал-демократами (то есть ортодоксальными марксистами) и большевиками. Первые утверждали, что социализм в России был невозможен. Надо было ставить задачу включения России в союз развитых стран Запада и вместе с ними двигаться к социализму. Национал-большевики поступили по-своему, и вот, сами видите, что получилось: разве социаль-

ную систему в Советском Союзе можно назвать социализмом?

Если так рассуждать, то сегодня условий для построения социализма не найти ни в одном формирующемся сейчас периферийном полюсе. Иначе говоря, теория и опыт построения реального социализма для создания многополярного мира неприменимы. С этим нельзя согласиться. В работе А.И. Амосова [4] описано использование в практике несоциалистических стран различных институтов, которые считаются характерными элементами социализма: планирование, «трудовые коллективы» на предприятиях, системы социального обеспечения и др. Элементы социализма как в теории, так и на практике переплелись с элементами капитализма. В настоящее время и социализм, и капитализм в качестве системы хозяйства потеряли теоретическую цельность и однозначность (см., например, [5]).

И все же не только реалистичным, но и наиболее вероятным представляется предположение, что новые региональные объединения, хотя и не будут объявлять построение социализма или коммунизма своей главной целью, но будут включать в идеологию элементы социализма как одну из ее важнейших частей.

Великий дух капитализма разбудил мощные творческие силы человека. Но одновременно он освободил демонов личного успеха и обогащения, зачатых мировыми религиями. И они вместе с великими достижениями человечества принесли ему новый распад общества на рабов и господ. Успехи социализма в СССР объясняются в первую очередь тем, что пассионарии-коммунисты сумели заразить большинство своей верой в неизбежное светлое будущее. Первоначально эта вера могла появиться и появилась как трансформация христианской веры в иной, духовный мир, который реален не менее, а даже более,

чем мир физический. На первых порах вера коммунистов, их героический порыв в будущее были в основном ответом на новое порабощение.

Советский социализм стал попыткой обойтись без этих демонов, заменить их традиционным доверием к государству, культурой коллективного (артельного) труда, религией будущего. Переход к НЭПу — это признание того, что демонов надо заставить работать, без них Царства Божия не построить, их необходимо приручать. И это было правильное решение. Но «старый» мир больше боялся не демонов, а освободителей от демонов.

Социалистическое движение в Европе и России стало основой освободительной идеологии азиатских стран, в том числе Китая. Октябрьская революция разбудила Китай. Противостояние СССР Западу позволило Китаю занять позицию сохранения коммунистической идеологии без конфронтации с капитализмом. КПК трансформировала идеи социализма в идеологию многополярного мира. И теперь настало время всем периферийным странам и, конечно, России учиться у Китая. Можно ли и надо ли противостоять стремлению к личному, групповому, частному обогащению? А если нельзя, то можно ли при этом сохранить веру народа в коммунизм, сохранить государство от перерождения в институт обслуживания олигархов-капиталистов?

В 1920–1930-е годы скорее всего это было невозможно. (Хотя удалось же Ленину вывести Россию из империалистической войны.) Но во второй половине 1970-х, когда силы США и СССР уравнивали друг друга, властвующая элита Китая оказалась настолько мудрой и смелой, настолько уверенной в прочности государства и коммунистической идеологии, что стала говорить: активные частные хозяева, которые

готовы работать под контролем государства и партии, укрепляют, а не ослабляют коммунистический строй. Партия должна представлять не только интересы рабочих и крестьян, но и интересы наиболее «прогрессивных производительных сил в Китае». Членом КПК может стать владелец фабрики или фермы. Если кто-то из нас стал богаче, значит, мы все стали богаче. У нас нет антагонистических классов.

Чем этот строй отличается от капитализма? Контролем государства над экономикой, государства, которое подтверждает реальными делами свою способность осуществлять такой контроль и действовать в интересах народа и страны, а не в интересах одного класса. Как согласуется с идеей социализма разрыв в богатстве и уровне жизни — между городом и селом, между провинциями, между семьями? Благополучие растет у всех. Одни приходят к богатой и культурной жизни раньше, чем другие, но государ-

ство и партия обеспечивают повышение уровня жизни для всех. Экономическое могущество страны и государства — вот гарантия лучшего будущего для каждого.

Борьба идей глобализма и национальной государственности в советской истории

Понимание борьбы коммунистического глобализма и национал-большевизма как главного противоречия в советской правящей элите дает ключ к выявлению основных смысловых коллизий того времени. Хороший анализ российско-советской истории на основе такого подхода, по нашему мнению, дан в книгах Александра Елисеева [6, 7]. Эти книги представляют собой историческое исследование, в котором подробно прослежена борьба двух идейно-политических направлений в Советском Союзе. В отличие от авторов большинства работ по данной тематике Александр Елисеев не ставит целью отстаивание той или иной оценки фигуры Ста-

Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Москва, 1919 г.

лина, его осуждение или оправдание. Он выявляет геополитические, исторические и метаисторические силы, которые прокладывают пути через скрытые и явные намерения, решения, столкновения множества исторических деятелей и организаций в период до начала Великой Отечественной войны, сменившейся холодной войной. Неверие Сталина в мировую революцию сделало его, по выражению автора, «консервативным большевиком».

Марксизм выдвигает в качестве факторов, определяющих движение истории, развитие производительных сил и производственных отношений, формирование классов и классовую борьбу. Марксисты-ортодоксы уверены, что с развитием капитализма происходит отмирание государства, стираются различия между нациями и границы между ними. В этом отношении идеология современного «капиталистического» глобализма близка к ортодоксальному марксизму. Сталин был марксистом-практиком, а не догматиком. Он вслед за Лениным понял, что выход из капиталистической формации может произойти путем возникновения альтернативного «полюса» в отсталой России. И может быть, лучше Ленина чувствовал и понимал значение для создания такого полюса в незападной стране сильного государства и его духовно-идеологического фундамента, а также экономического суверенитета.

В течение 1920–1930-х годов шла упорная борьба между направлениями коммунистического глобализма и национал-большевизма. То одно, то другое становилось более влиятельным. Однако внешняя и внутренняя обстановка менялась таким образом, что все больше выявлялась правота второго (государственнического) направления.

В 1919 г. был создан III Интернационал (Коминтерн). Когда в 1919 и 1920 гг. закончились неудачей

попытки сначала помочь Советской республике в Венгрии, а затем взять Варшаву, большевики осознали, что сейчас победить Европу армия не может. И тогда было принято решение сделать ставку на инспирирование революций — распустить армию, а освободившиеся средства направить в Коминтерн.

Как пишет А.В. Елисеев [8], Коминтерн стал «всемирной квазиимперией, чья мощь поначалу превосходила мощь РСФСР — СССР». Он

Коминтерн стал «всемирной квазиимперией, чья мощь поначалу превосходила мощь РСФСР — СССР».

аккумулировал и направлял грандиозные финансовые средства зарубежным компартиям, которые так же, как и ВКП(б), считались секциями Коминтерна. Министр иностранных дел Г.В. Чичерин писал: «Теперь, когда ради существования СССР надо укреплять положение прежде всего в Берлине, ИККИ (Исполнительный комитет Коминтерна) не находит ничего лучшего, как срывать нашу работу выпадами против Германии». Деятельность Коминтерна превратила многих немцев в непримиримых врагов СССР, который они отождествляли с международной подрывной организацией революционных авантюристов. В начале 1920-х годов центр реальной власти находился не в ЦК или СНК, а в руководстве Коминтерна (председатель ИККИ — Г.Е. Зиновьев, член Малого бюро — Н.И. Бухарин).

Отход большей части активных большевиков от «красных глобалистов» к «государственникам» (лидер — И. Сталин) в 1923 г. объясняется, в частности, ослаблением надежд на мировую революцию. В Англии на выборах в парламент коммунисты получили всего 50 тысяч голосов из общего числа 22 млн. Численность германской компартии сократилась с 500 тыс. до 100 тыс.

Лидером «глобалистского» направления в РКП(б) традиционно считается Лев Троцкий. Однако его ориентация на всемирную революцию существенно отличается от «левацкой» доктрины немедленного наступления, характерной для верхушки Коминтерна. Вот как характеризует позицию Л. Троцкого в работе [9]: он «был убежденным и последовательным сторонником интеграции советской экономики в систему международного капиталистического хозяйства. Причем сама эконо-

мика должна была, по его замыслу, быть именно рыночной, а план — использоваться всего лишь как регулятор рынка. Реставрация капитализма допускалась им только в экономической сфере, тогда как в политике власть должна была оставаться у партии большевиков». Троцкий не верил, что Европа готова к революции. И на данном этапе он «видел одну из задач революции — объединять мир, причем не обязательно сразу на социалистических основах. Капиталистическая глобализация тоже благо — естественно, при участии левых сил. И лишь когда мир будет единым, возможна будет и мировая социалистическая революция. А до тех пор необходимо способствовать глобализации, поддерживая не только левые, но и любые „передовые“ силы Запада».

Как известно, в правящей (коммунистической) элите СССР победило «государственническое» сталинское направление, и это определило основные исторические события на несколько десятилетий с их великими победами и великими трагедиями.

Чтобы оценить, какое же из этих двух направлений оказалось более «правильным», «успешным», а какое «ошибочным», надо ответить на вопрос: могло ли человечество

избежать Второй мировой войны, если бы в 1920–1930-е годы победили приверженцы «социалистической глобализации»? В середине 1930-х годов Исполнительный комитет Коминтерна вместо тезиса Зиновьева, в 1929 г. объявившего социал-демократов социал-фашистами, выдвинул идею «народного фронта» — политического блока коммунистов и социалистов (социал-демократов). Многие коммунисты считали, что Гитлер пришел к власти благодаря расколу левых сил и для борьбы с фашизмом необходимо их объединение. Однако более адекватная версия состоит в том, что объединение левых сил неизбежно привело бы к консолидации правых как внутри Германии, так и на межстрановом уровне.

А.В. Елисеев на множестве примеров показывает, что Сталин как до войны, так и в процессе послевоенного переустройства мира глубоко осознавал невероятную трудность не только построения социализма в одной стране, но и просто сохранения страны, противопоставившей себя мировому капиталистическому порядку. Не менее ясно он видел слабость коммунистических партий в европейских странах, их сектантскую оторванность от большинства народа. Их плохо подготовленные, по сути авантюристические, восстания не спасала близость левых социалистов. Например, в 1923 г. была предпринята попытка «поджечь» Германию. Коммунисты получили приказ от Коминтерна присоединиться к правительствам Саксонии и Тюрингии, где власть была в руках левых социалистов. Из-за плохой организации коммунистические отряды в Гамбурге вовремя не получили приказ отложить восстание и в назначенный час начали боевые действия, заняли стратегические позиции в городе, но они не были поддержаны коммунистами в других частях Германии. Социалисты Саксонии и Тюрингии также не пришли к ним на помощь.

Сталина нередко упрекают в том, что он в таких случаях не помог зарубежным коммунистам. Единственной силой, которая, возможно, помогла бы локальным выступлениям коммунистов, даже в случае союза с левыми социал-демократами, мог быть СССР. Но его вмешательство привело бы к втягиванию нашей страны в войну и срыву мощного процесса ее усиления, который, по мнению большинства советской правящей элиты, и был единственной гарантией социалистического преобразования мира.

Сталин сохранял и развивал то государство, которое создал Ленин. И выполнил эту задачу.

Именно этого вынужденного участия в зарубежных войнах Советской России, еще слабой и экономически, и политически, всеми средствами старался избежать Сталин, тормозя все революционные выступления. Вызовом такого рода было восстание в Испании в 1934 г.: в Мадриде под руководством левых социалистов Кабальеро и Каррильо и в Астурии под руководством астурийского революционного комитета, возглавляемого также левыми социалистами с участием двоих коммунистов. До этого, в 1933 г., было выступление отрядов Шуцбунда (под руководством левых социал-демократов) в Австрии. Эти восстания быстро подавлялись правительственными войсками с участием военизированных формирований правых.

В 1930-е годы, вследствие кризиса в Европе и успехов Советского Союза, снова нарастает число сторонников коммунистов (как и сторонников фашистов). Но это вовсе не свидетельствует о том, что коммунисты, даже в союзе с социал-демократами, могли прийти к власти в результате демократических выборов. Известные факты и рассекреченные документы показывают, что в Европе

в 1920–1930-е годы (как и в 1950–1960-е в странах Азии и Латинской Америки), когда речь шла о возможности прихода к власти коммунистов, демократические процедуры переставали действовать. Для руководителей нацистов и поддерживающих их международных политических и финансовых сил ограничений морального или «демократического» порядка практически не существовало. Для этих сил главной опасностью был не Гитлер, которым они надеялись манипулировать, а уже материализовавшийся «призрак коммунизма».

Опыт 1920-х и начала 1930-х годов свидетельствовал, что без серьезной помощи СССР европейские левые не могли не только захватить власть (путем революционных переворотов или используя демократические легальные институты), но и помешать распространению и усилению влияния фашистских организаций и настроений. И не только в Италии и Германии, но и во всех других странах Европы. В частности, это свидетельствовало и том, что ортодоксальная марксистская теория, описывающая политические процессы только на основе классовых (социально-экономических) противоречий и не учитывающая националистических сил как факторов первой величины, недостаточна, не вполне адекватна. Перед советскими коммунистами стояла реальная альтернатива:

- 1) пойти на объединение с социал-демократами Европы, чтобы вместе с левыми силами взять власть в Германии, Франции и других европейских странах;
- 2) готовить СССР к почти неизбежной большой войне, насколько возможно отдаляя ее начало и для этого фактически тормозя все революционные выступления как заведомо обреченные на

поражение, а следовательно, авантюристические.

Силы в Европе, готовые идти по первому пути (пути «социалистической глобализации»), были, конечно, значительны. Однако эти силы все же не были способны предотвратить гражданские войны и явно приближающуюся мировую войну. Они не смогли повлиять на ситуацию в Германии, где возможен был раскол национал-социалистической партии, лидер ее «левого крыла» Г. Штрассер мог стать вице-канцлером и премьер-министром Пруссии [10]. Г. Штрассер не был ярким шовинистом и антикоммунистом, как Гитлер, маниакально нацеленный на большую войну. Именно так оценивали возможности европейских народных фронтов советские коммунисты во главе со Сталиным. Война в Испании в 1936 г. и беспрецедентное бессилие и падение Франции в 1940 г. доказали, что их оценка была правильной.

«Сослагательное наклонение» в истории

Есть мнение, что мировая война стала неизбежной не только в силу экстремистской установки Гитлера, но и из-за «преступной» радикально-государственной политики Сталина, противопоставившей советский коммунизм всему остальному миру. Противостояние «страны, строящей социализм», всему буржуазному миру действительно можно считать причиной неизбежности войны (об этом говорилось выше). Но разве Сталин виноват в таком противопоставлении? Его подготовили и воплотили в жизнь Маркс и Ленин. Сталин только выполнял поставленную ими задачу — отстоять силу социалистической идеи так, как он ее понимал. Он сохранял и развивал то государство, которое создал Ленин. И выполнил эту задачу. Когда сегодня интеллектуалы ломают копья, обсуждая вину и заслуги Сталина, это выглядит нелогичным. Ведь и Маркс, и Ленин хорошо знали историю. Они прекрасно пони-

мали, что великая революция не может обойтись без великих войн и жертв. Даже Христос знал, что совершенная им революция неизбежно приведет к большим жертвам: *«Не мир пришел Я принести, но меч»* (Мф. 10:34). Так разве логично обсуждать исполнителя — Сталина и его средства, не обсуждая, не оценивая цели — идей коммунизма и социализма, ради которых эти средства применялись? Или в 1917 г., так же, как и в 1905 г., следовало сказать: «Не надо было браться за оружие?»

Великая Идея, Учение, Истина, дающие Смысл и Веру, стоят героической борьбы и жертв. Приведем только одно свидетельство. Лион Фейхтвангер после десяти-недельного пребывания в Москве в 1937 г. писал: «Как вы можете жить, — спрашивают меня москвичи, — в таком морально скверном воздухе, которым вам придется там дышать? Даже если вы лично имеете возможность работать там в комфорте и тишине, то неужели вас не беспокоит окружающая вас нужда, которую можно было бы устранить разумным регулированием вещей. Неужели вас не раздражает явная бессмыслица, окружающая вас? Как можете

вы выносить жизнь в стране, экономика которой определяется не разумным планированием, а жадной одиночкой к наживе?»

Современные антисталинисты обычно говорят: «Да, победа завоевана, индустриализация проведена, Россия стала второй сверхдержавой, но какой ценой?!» Действительно, цена высокая. Но чем измерять цену? Числом человеческих жизней? Многие приверженцы глобализации и идеологии так и утверждают: нет ничего дороже человеческой жизни. И сколько жизней вы отдали бы за демократию, за свободу от диктатуры, за социализм? Сколько не жалко? На наш взгляд, такие рассуждения демонстрируют, что торгашеский подход здесь неуместен.

Как известно, в правящей (коммунистической) элите СССР победило «государственническое» сталинское направление, и это определило основные исторические события нескольких десятилетий. Последствия этой победы мы знаем. Рассмотрим, какие сценарии могли бы разворачиваться в случае победы «глобалистского» направления.

Адольф Гитлер приветствует войска вермахта во время парада в Варшаве. За спиной Гитлера слева направо: генерал-полковник Вальтер фон Браухич, генерал-лейтенант Фридрих фон Кокенхаузен. Польша, 5 октября 1939 г.

Б. Ефимов. Плакат «Капитан Страны Советов ведет нас от победы к победе!». 1933 г.

Пессимистический сценарий. Войны избежать не удастся, причем она разражается в период, когда СССР к ней не готов. Вне зависимости от результата войны нацистская Германия и СССР выходят из нее резко ослабленными. Господствующей идеологией в Европе оказывается идеология реформистской социал-демократии, а доминирующей финансово-экономической силой — мировая финансовая олигархия. Фактически на длительный период в мире устанавливается порядок, к которому в настоящее время стремятся приверженцы «глобализации по-американски». Россия не успевает закончить индустриализацию. Поскольку теоретической основой социал-демократии является ортодоксальный марксизм, который предполагает отмирание государства и национальных границ. Россия скорее всего становится, как сейчас, сырьевым придатком более технологически и экономически развитых стран Европы и Америки.

Оптимистический сценарий (маловероятный) состоит в том, что большой войны удастся избежать. Он мог бы осуществиться только в результате существенного сближения идеологии и экономиче-

ского устройства России-СССР с идеологией правой социал-демократии и идеологическим устройством, характеризующимся рыночным механизмом, частной собственностью на средства производства и экономической открытостью. Иными словами, еще в 1930–1940-е годы Россия могла прийти к состоянию, близкому состоянию 1991 г., только без развитой промышленности и нескольких десятилетий мирового лидерства за плечами.

Идеология СССР как альтернативного полюса

Идеология «альтернативного полюса», которой руководствовался Сталин, не была оформлена в виде самостоятельного направления в марксизме. В послевоенные годы Сталин постарался заложить несколько тезисов такой теории, точнее идеологии. Он едва ли не первый из марксистов дал определение категорий капитализма и социализма не в терминах только социально-экономических и политических, а фактически обращаясь к смысловым, то есть идеологическим понятиям.

В работе 1951 г. «Экономические проблемы социализма в СССР» [11]

Сталин определяет социализм не через господство государственной или частной собственности, не через наличие рынка или плана, а через цель, на которую направлено данное общество (в чьих интересах?). Капитализм — такой строй, который обеспечивает максимизацию прибыли держателям капитала. Социализм — такой строй, который направлен на «максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей членов общества». Он понял, что идеология — это не функция от производительных сил и производственных отношений, не «надстройка» (по-русски, чердак?), а нередко главный двигатель истории. В эпоху информационного общества в этом трудно сомневаться. Человек живет в двух мирах. Исторический материализм был великим прорывом в науке об обществе. Но он недостаточен. Необходимо дополнить его историческим идеализмом.

Идеологический поворот к соединению социализма с национализмом начался с речи Сталина на XIX съезде партии (1952 г.). Вот цитата из этой речи: «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их „превыше всего“. Теперь не осталось и следа от „национального принципа“. Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять». Одной из целей публикации статьи Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», по-видимому, было выдвижение нации (и языка как ее фундаментальной опоры) в ранг факторов, не менее важных для истории, чем факторы эконо-

мические и политические, к которым влиятельная часть марксистской науки пыталась свести весь исторический анализ. Категория нации, очевидно, несводима к ним.

Этот поворот в идеологии можно рассматривать как развитие марксизма-ленинизма. Но можно и как отказ от марксизма и ленинизма. Именно так интерпретирует установку Сталина в последние годы жизни А.В. Елисеев [12]: «Марксизм-ленинизм не может считаться идеологической основой партии, фигура Ленина, нигилиста и разрушителя, должна уступить место фигуре Сталина — творца, создателя новой, великой державы. Генералиссимус начинает

хотите, глубинным культурным и «цивилизационным кодам» народа. Сталин отчетливо осознавал недостаточность того идеологического «эликсира», который был заложен в коммунистических идеалах, для выполнения народом его тяжелейшей мессианской задачи. Он понимал, что необходимо их соединение с национализмом и духовными богатствами, накопленными предками.

Заслугой Сталина является осуществление в предвоенные десятилетия ряда мер по восстановлению национального патриотизма, преодолению нигилистического отношения к русской культуре и российской истории

эту кампанию у сталинской команды и у народа, только что пережившего страшную войну, не хватило ни интеллектуальных и духовных сил, ни художественного вдохновения, и она оставила скорее негативный след в нашей истории. В памяти народа от нее остался, наверное, только юмористический слоган «Россия — родина слонов». Новый подъем начинается только с приходом нового поколения.

ПЭС 11113/27.07.2011

Сталин понял, что идеология — это не функция от производительных сил и производственных отношений, не «надстройка» (по-русски, чердак?), а нередко главный двигатель истории.

кампанию по постепенной дискредитации Ленина». С этим нельзя согласиться. Сталин именно в силу подчеркиваемой А. Елисеевым установки на сохранение духовно-идеологического единства народа не мог пойти на такой радикальный шаг. Он прекрасно осознавал, что именно Ленин подготовил идеологическую базу для такого единства в незападной России, объявив о необходимости союза рабочего класса и крестьянства. Крестьянство превращалось из противника рабочего класса в его друга и соратника по классовой борьбе.

Сталин уже в 1920-е годы существенно развивает важнейший тезис, сформулированный Лениным, о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Этот тезис не только отражает политические реалии текущего момента, но, как показывает духовный подъем следующих десятилетий, отвечает историческим традициям и, если

(разгром школы Покровского). При этом, конечно, мы не должны забывать о методах, которыми действовали в то время, о тех талантах, которые погибли или покинули страну, о тех плодотворных идеях, которые зародились в советской стране на волне революционного подъема, но получили развитие только на Западе. Заслугами антиглобалистского направления в большой степени можно считать вершины советской кинематографии и театра, изобразительного и музыкального искусства, в которых великие гуманистические традиции были сплавлены с коммунистическими делами. К этому же ряду следует отнести «реабилитацию» многих исторических деятелей старой России, прекращение преследования церкви.

В том же русле после начала холодной войны проводилась кампания по борьбе с «безродными космополитами и низкопоклонством перед Западом». Однако на

Литература

1. Волконский В.А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. Разд. 4.1. М.: Наука, 2002.
2. Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб.: Издательство А.Э. Мертенс, 1891.
3. Волконский В.А. Смысл жизни и история. Разд. 4.3. М. — Казань: Алтай-TAY, 2008.
4. Амосов А.И. Социализм как мировая тенденция развития экономики и общества: В сб. «Социализм после социализма. Новый интеллектуальный вектор». СПб.: Алетейя, 2011.
5. Волконский В.А. Возникновение многополярного мира. Поворот идеологической оси. Разд. 4. М.: Международная академия организационных наук, 2010.
6. Елисеев А.В. Разгадка 1937 года. «Преступление века» или спасение страны? М.: Яуза, Эксмо, 2009.
7. Елисеев А.В. 1937. Сталин против заговора «глобалистов». М.: Яуза, Эксмо, 2009.
8. Елисеев А.В. Разгадка 1937 года. «Преступление века» или спасение страны? М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 37–38.
9. Елисеев А.В. 1937. Сталин против заговора «глобалистов». М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 54.
10. Там же. С. 171–172.
11. Сталин И.В. Экономические проблемы в СССР. Собр. соч. Т. 16. М.: Писатель, 1997.
12. Волконский В.А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. М.: Наука, 2002. С. 372.